

Стивен Хэнсон

НЕОПРЕДЕЛЕННОЕ БУДУЩЕЕ СЛАБОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АВТОРИТАРИЗМА В РОССИИ¹

Большую часть своего первого президентского срока Владимир Путин потратил на исполнение обещания восстановить российское государство, и к концу этого срока большинство западных аналитиков и политиков сходились в том, что ему удалось добиться в этом заметных успехов. Сторонники Путина указывали на важные реформы налогового и земельного законодательства, судебной системы и федерализма и утверждали, что его второй срок послужит толчком к дальнейшей институциональной трансформации.² В сентябре 2003 года на встрече в Кэмп-Дэвиде Джордж Буш-младший мог с гордостью заявить, что ему нравится «образ путинской России: спокойная страна, живущая в мире с соседями, страна, в которой процветают демократия, свобода и право».³ Те, кого не слишком устраивал путинский стиль руководства, считали этот политический образ иллюзией, указывая на тревожные тенденции роста цензуры в СМИ, преследования активистов независимых неправительственных организаций и использование «административного ресурса» для маргинализации политической оппозиции.⁴ И все же даже критики Путина соглашались с тем, что государственной власти удалось оправиться после хаотических 1990-х.⁵

Но при подготовке Путина ко второму сроку такие оценки стали вызывать все больше вопросов. Арест Михаила Ходорковского в октябре 2003 года и последующее уничтожение «Юкоса» превратились в долгий и мстительный крестовый поход, который отпугнул иностранных инвесторов, подо-

1. Stephen E. Hanson, 'The Uncertain Future of Russia's Weak State Authoritarianism', *East European Politics and Societies*, vol. 21, no. 1, p. 67–81.
2. См., например: "Russia's Surprise Reformer," *Business Week*, 7 June 2004, 160.
3. "President Bush Meets with Russian President Putin at Camp David," <http://www.whitehouse.gov/news/releases/2003/09/20030927-2.html> (accessed 5 September 2005).
4. Michael McFaul, "Vladimir Putin's Grand Strategy... for Non-democratic Regime Change in Russia," *Weekly Standard*, 17 November, 2003.
5. См., например: Peter Baker and Susan Glasser, *Kremlin Rising: Vladimir Putin's Russia and the End of Revolution* (New York: Lisa Drew/Scribner, 2005).

рвал стабильность прав собственности и выставил российскую правовую систему на посмешище для всего мира. Война в Чечне вызвала рост насилия в соседних республиках, вроде Дагестана, Северной Осетии, Ингушетии и Кабардино-Балкарии, и грозила перерасти в масштабный конфликт на всем Северном Кавказе. Кремль оказался неспособным предотвратить или эффективно ответить на чеченский терроризм против российских целей, как показал чудовищный и кровавый кризис с заложниками в Беслане в сентябре 2004 года. Решение Путина после Беслана упразднить выборы губернаторов разрушило остатки российского федерализма, оказав (если вообще оказало) не слишком большое положительное влияние на управление на местах. Неуклюжие попытки противодействия Виктору Ющенко и «оранжевой революции» на Украине крайне негативно повлияли на репутацию страны в Восточной и Центральной Европе. Единственным светлым пятном были хорошие макроэкономические показатели России, во многом вызванные стремительным взлетом мировых цен на нефть и газ. Несмотря на непрерывный рост ВВП, продолжает расти и экономическое неравенство; широкие выступления протеста в начале 2005 года против необдуманной попытки заменить льготы денежными выплатами позволили увидеть огромный разрыв между «богатыми» и «бедными».

Короче говоря, хотя политика Путина подорвала едва начавшие формироваться демократические институты, она так и не смогла заменить их сколько-нибудь последовательным авторитаризмом. Это остается верным, несмотря на возврат к относительному политическому спокойствию в 2006 году, когда Путину удалось провести саммит «большой восьмерки» в Санкт-Петербурге, уничтожить крупного чеченского террориста Шамиля Басаева и погасить задолженность России перед Парижским клубом. Но даже после года сравнительно хороших новостей путинская Россия остается страной, не имеющей надежных союзников, но имеющей бюрократию, которая признается многими едва ли не самой коррумпированной в мире, и страной, по-прежнему опасно зависимой в своем экономическом выживании от сырьевого экспорта.

Главная загадка российской политики состоит в том, что спустя пятнадцать лет после краха СССР стране по-прежнему не хватает стабильности и легитимности. В результате продолжает сохраняться политическая и социальная неопределенность, которая ощутимо проявляется в страхе официальных структур перед способностью независимых организаций гражданского общества повторить в России и других постсоветских государствах «цветные революции» и в бесконечных разговорах о неконституционных или полуконституционных схемах, которые могут быть использованы Путиным для того, чтобы остаться у власти после формального истечения второго президентского срока в марте 2008 года. Принимая во внимание, что Россия остается страной с самой большой территорией в мире и по-прежнему имеет тысячи ядерных боеголовок и огромные запасы химического и биологического оружия, такая неопределенность вполне может стать также серьезной международной проблемой.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО И СОВЕТСКОЕ НАСЛЕДИЕ

Почему постсоветское государственное строительство оказалось настолько трудным? Не только в России, но и на всей территории, некогда управлявшейся одним из самых сильных государств в истории человечества, политика по-прежнему остается пронизанной коррупцией, личным правлением и правовым произволом. То, что эти явления повсеместно распространены во всех бывших советских республиках, служит важным ключом к пониманию проблемы. Очевидно, что семьдесят лет советского правления создали особенно неблагоприятные условия для строительства эффективной государственной власти. Чтобы понять, почему дело обстоит именно так, нам необходимо проанализировать постсоветское государственное строительство в исторической и сравнительной перспективе. Полезной отправной точкой здесь может служить известное определение государства как совокупности институтов, которые «внутри определенной области» более или менее успешно претендуют на «*монополию легитимного физического насилия*».⁶ В этом определении содержатся три необходимых признака государственной власти — четко определенные территориальные притязания, контроль над средствами принуждения и политическая легитимность, которые вместе обеспечивают непрерывную и предсказуемую работу сильных государств. Примечательно, что в наследии советского ленинистского правления все три признака оказались полностью размыты.

Проблема определения четкой территориальной юрисдикции в постсоветском пространстве не слишком понятна для Запада, официальные карты которого с признанными границами создают ложное ощущение стабильной политической географии. На самом деле сегодня нет никого, кто считал бы границы, унаследованные от советской эпохи, исторически «естественными». Конечно, постколониальные государства в Латинской Америке, Африке и на Ближнем Востоке тоже в течение долгого времени пытались отстаивать свою юрисдикцию с пагубными последствиями для государственной власти. Такие проблемы определения государства оказались еще более острыми в бывшем Советском Союзе, где границы советских республик проводились на основе ныне дискредитированной идеологии, исходившей из того, что все «временные» национальные разделения будут преодолены, и где местные правители часто компенсировали свое крайне ограниченное политическое влияние мечтами о славном национальном возрождении за пределами искусственных советских юрисдикционных границ.⁷

В действительности, спустя пятнадцать лет после краха СССР, почти все границы во всем бывшем Союзе остаются крайне спорными. В Средней Азии таджикские националисты притязают на узбекские города Самарканд

6. Вебер М. *Избранные произведения*. М.: Прогресс, 1990, с. 645.

7. Rogers Brubaker, *Nationalism Reframed: Nationhood and the National Question in the New Europe* (Cambridge: Cambridge University Press, 1996).

и Бухару; Кыргызстан расколот на юг, где преобладают узбеки, и север, где преобладают казахи; многочисленное русскоязычное население Казахстана позволяет русским националистам притязать на его северные области; а Туркменистаном правит страдающий манией величия диктатор, падение которого способно вызвать пограничные конфликты между Россией, Казахстаном, Узбекистаном и Ираном, стремящимися контролировать богатые запасы природного газа этой страны. На Кавказе нельзя исключать вероятность пересмотра хрупкого перемирия между Арменией и Азербайджаном по вопросу о Нагорном Карабахе, а попытки Михаила Саакашвили вернуть спорные территории Абхазии и Южной Осетии назад под контроль Грузии продолжают вызывать серьезную напряженность в регионе. В постсоветской Восточной Европе непокорная Приднестровская республика выступает против своего включения в состав Молдовы; пресловутый культурный раскол Украины на восток и запад остается серьезной проблемой для ее интеграции в качестве национального государства; а возможная реинтеграция Белоруссии и России по-прежнему остается целью ведущих политиков обеих стран. Пограничные соглашения между Россией и соседними прибалтийскими государствами, Эстонией и Латвией, были заморожены из-за возрастания националистической напряженности после расширения ЕС и НАТО. В самой России исламистская мобилизация на юге, китайская миграция на Дальнем Востоке и демографический кризис заставляют всерьез задуматься о возможности сохранения страной своих нынешних границ в долгосрочной перспективе.⁸ Короче говоря, крах большой многонациональной империи, которой был Советский Союз, как и падение других империй на всем протяжении истории, оставил неопределенное юрисдикционное наследие, которое служит препятствием для потенциальной консолидации постсоветской государственной власти и открывает возможности для самых различных ревизионистских притязаний.

В другие исторические эпохи хаос имперского правления преодолевался, когда политической группе, ранее считавшейся маргинальной, удавалось получить контроль над средствами принуждения, особенно вооруженными силами, для восстановления государственного контроля над какой-то частью старой империи. И здесь вторая составляющая наследия Советского Союза — его попытка построить «интернациональный», а не национальный аппарат принуждения — также препятствует постсоветскому государственному строительству. В соответствии с тезисом Маркса, что «у пролетариата нет отечества», советское государство изначально было нацелено на пре-

8. Mikhail Alexseev, *Immigration Phobia and the Security Dilemma: Russia, Europe, and the United States* (Cambridge: Cambridge University Press, 2006); Nicholas Eberstadt, "The Russian Federation at the Dawn of the 21st Century: Trapped in a Demographic Straitjacket," *NBR Analysis* 15: 2 (2005): 1–57; Judyth Twigg, "Differential Demographics: Russia's Muslim and Slavic Populations," *Program on New Approaches to Russian Security Policy Memo* no. 388 (Washington, D. C.: Center for Strategic and International Studies, 2005).

одоление «великорусского шовинизма» и всех проявлений «буржуазного» национализма, выступавшего против правления Москвы.⁹

На всем протяжении советской истории коммунистическая партия и специальные службы осуществляли жесткий контроль над вооруженными силами, в корне подавляя любые националистически настроения. Новобранцы намеренно направлялись в советские республики, находившиеся очень далеко от привычного места проживания: солдаты из Средней Азии патрулировали прибалтийские республики, а прибалтийскую молодежь отправляли воевать в Афганистан.¹⁰ Принудительная власть регулярных войск административно сдерживалась конкурирующими иерархиями внутренних войск, КГБ и пограничников. После неожиданного распада СССР на пятнадцать отдельных государств эта дисперсия военных и полицейских полномочий существенно осложнила монополизацию средств физического принуждения во всех постсоветских государствах. И по сей день большая часть границ бывших советских государств охраняется из рук вон плохо, а большинство стран СНГ и вовсе не имеет достаточно сильных собственных вооруженных сил. Сколько-нибудь боеспособными являются только российские войска, но, как показывает непрекращающаяся партизанская война на Кавказе, даже России было крайне трудно поддерживать монополию на легитимное насилие на своей протяженной территории. Кроме того, идеологический провал советского «интернационализма» сыграл важную роль в деморализации российских военных, вызвав недовольство тем, что его прошлое служение «родине» не имело никакого смысла, у старшего офицерского состава, коррупцию и отчуждение у младших офицеров, систематическую озлобленность у призывников.

Это подводит нас к третьей и, возможно, наиболее важной проблеме, встающей перед потенциальными участниками государственного строительства в постсоветском контексте: отсутствию новых принципов политической легитимности после окончательной дискредитации марксизма-ленинизма при Горбачеве. Логично, что для определения и поддержания стабильных новых границ и для ограничения краткосрочных интересов обладателей принудительной власти и обеспечения единства для защиты государственной власти сначала должно быть предложено некое новое убедительное определение самого государства. В посткоммунистической Центральной и Восточной Европе таким новым определением была распространенная идея «возвращения в Европу», вскоре обретшая конкретное воплощение в двух волнах расширения НАТО и в расширении Европейского Союза в 2004 году.¹¹ Но для неприбалтийских советских республик идентичность, основанная на «принадлежности к Европе», по очевидным географич-

9. Маркс К., Энгельс Ф. *Манифест Коммунистической партии*. М.: Вагриус, 1998; Сталин И. В. *Марксизм и национально-колониальный вопрос*. М.: Партиздат, 1936.

10. Viktor Zaslavsky, *The Neo-Stalinist State: Class, Ethnicity, and Consensus in Soviet Society* (Armonk, NY: M. E. Sharpe, 1982).

11. Stephen E. Hanson, "Defining Democratic Consolidation," in Richard Anderson Jr. et al., eds., *Postcommunism and the Theory of Democracy* (Princeton, NJ: Princeton University Press,

ческим и историческим причинам представляется более проблематичной — и, вероятно, долго будет оставаться таковой, несмотря на недавние проевропейские революции в странах, вроде Грузии и Украины.

Нигде эта проблема переопределения национальной идентичности не стоит более остро, чем в самой Российской Федерации. Полтора десятилетия спустя после краха СССР все еще нет ясного и внятного ответа на вопрос: что такое Россия? Попытки Путина решить проблему государственной идентичности «прагматически» — смешение и дополнение государственных символов из царской, советской и постсоветской эпохи без сколько-нибудь серьезной формулировки того, какие принципы могут выражать такие символы, — представляют собой всего лишь краткосрочный компромисс, который оставляет долгосрочное определение российского государства нерешенным.

Почему после краха Советского Союза легитимация новых концепций политической идентичности оказалась таким трудным делом? Согласно Веберу имеется только три основных типа государственной легитимности: традиционная, процедурная и харизматическая.¹² Ни один из них не был жизнеспособным в постсоветском контексте. Традиционная легитимность, основанная на притязаниях правящей элиты служить олицетворением преемственности древних традиций и соответствия господствующим религиозным идеям, была исключена вследствие семи десятилетий советской «революционной» модернизации, которая разрушила традиционную деревню и родственные связи, подавила всю организованную религию и создала высоко урбанизированное и образованное население, считающее себя принадлежащим к «цивилизованному» миру. Процедурная (или «рационально-легальная») легитимность, основанная на соблюдении безличных законов и процедур, отвечающих основным конституционным принципам, оказалась подорванной почти общепризнанным представлением, что недавний «переход к демократии» породил только хаос и нищету; а само слово «демократия» многие представители российской элиты и простые граждане считают сейчас просто прикрытием для преследования интересов богатых и сильных в своей стране и за рубежом.

В других исторических контекстах, где традиции и правовые процедуры не работали на протяжении длительных периодов времени, новые формы государственной легитимности обеспечивались харизматическими лидерами, которые четко формулировали «экстраординарные» политические идеи, способные служить основой для новых институциональных лояльностей. Конечно, в России было немало политиков-демагогов, пытавшихся занять эту политическую нишу. Но крах коммунизма вызвал такой глубокий цинизм в обществе и отчуждение от всех официальных идеологий, что даже такие потенциальные российские «харизматики», как Владимир Жиринов-

2001), 126–151; Milada Vachudova, *Europe Undivided: Democracy, Leverage, and Integration after Communism* (Oxford: Oxford University Press, 2005).

12. Вебер М. Типы господства // *Социология*. Ленинград: Мысль, 1924, с. 134–138.

ский из ЛДПР, Геннадий Зюганов из КПРФ и Эдуард Лимонов из НБП, вынуждены были сочетать свои призывы к возрождению империи с самоуничтожительным юмором и / или постоянными заявлениями о своем «прагматизме» и «центризме». В то же время неоднократные попытки кремлевских бюрократов при Ельцине и Путине разродиться новой российской «национальной идеей» вызывали только насмешки.¹³

Таким образом, традиционный авторитаризм, современный демократический процедурализм и харизматический утопизм не смогли стать основой для легитимности государства в постсоветском контексте. Без более веских оснований для лояльности российскому государству и с учетом сохраняющейся неопределенности относительно российского политического будущего рядовые бюрократы склонны заботиться, прежде всего, о своих личных интересах и интересах своих друзей и родственников, усугубляя тем самым проблему институциональной коррупции и бюрократической некомпетентности. В результате даже после шести лет усилий администрации Путина, направленных на преодоление таких тенденций, российское государство остается неспособным полностью контролировать свои границы, монополизировать легитимные средства насилия или ясно заявить о своей роли в современном мире.

СЛАБЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АВТОРИТАРИЗМ И РОССИЙСКОЕ НЕДОВОЛЬСТВО

Несмотря на довольно мрачные прогнозы для российского государственного строительства, все же можно утверждать, что политические проблемы России не представляют серьезной угрозы для остального мира. В конце концов, с ценами на нефть, недавно превысившими 70 долларов за баррель, российский экспорт энергоресурсов обеспечил удобную подушку для любых экономических потрясений в ближайшем будущем. С макроэкономической точки зрения, сегодняшняя Россия больше не выглядит страной-банкротом, валюта которой потеряла три четверти своей стоимости за одну неделю во время финансового кризиса 1998 года: активное сальдо торгового баланса в России 2005 года составляло 118,3 миллиарда долларов; к маю 2006 года золотовалютные резервы России превысили 247 миллиардов долларов, а объем средств в стабилизационном фонде превысил 71 миллиард долларов.¹⁴ Российский фондовый рынок в 2005 году вырос почти на 90%.¹⁵ В более богатых регионах Российской Федерации постепенно происходит возрождение российского среднего класса и растет новый сектор обслужи-

13. Stephen E. Hanson, "The Dilemmas of Russia's Anti-revolutionary Revolution," *Current History* 100 (October 2001): 330-35.

14. World Bank Russia, *Macroeconomic Indicators - Russian Federation*, <http://web.worldbank.org/WBSITE/EXTERNAL/COUNTRIES/ECAEXT/RUSSIANFEDERATIONEXTN/0,,contentMDK:20452311-menuPK:989684-pagePK:1497618-piPK:217854-theSitePK:305600,00.html>.

15. Рассчитано по: RTS Stock Exchange History, <http://www.rts.ru/?tid=423&mtid=10000>.

вания, стремительно трансформирующий центральные части большинства крупных российских городов. И даже циничное отношение российского общества ко всем государственным идеологиям имеет свою положительную сторону, исключая возможность возврата к тоталитарной политике XX столетия. Путин по-прежнему остается самым популярным российским политиком, а массовые выступления протеста против монетизации льгот к концу 2005 года сошли на нет. Поэтому европейские и североамериканские разработчики политики вполне могут задаться вопросом: «Есть ли вообще причины для беспокойства насчет слабого государственного авторитаризма в России?».

Но такой чрезмерный оптимизм нельзя назвать вполне оправданным. Прежде всего, российская экономика и при втором президентском сроке Путина все еще сохраняет опасную зависимость от экспорта энергоресурсов. Серьезное падение цен на энергоресурсы может привести к резкому изменению котировок российских акций и в конечном итоге вынудить российское государство отказаться от обеспечения внутренних энергетических субсидий, реформы ЖКХ и вооруженных сил и инвестиций в отсталую транспортную и энергетическую инфраструктуру страны.

Даже при сохранении или росте цен на экспортируемые Россией энергоресурсы экономика столкнется с серьезной угрозой «голландской болезни», поскольку высокие доходы от экспорта ведут к увеличению стоимости валюты и тем самым снижают конкурентоспособность отечественных производителей, вызывая высокую инфляцию. И поддавшись политическому давлению, осенью 2005 года Путин объявил о намерении выделить почти пять миллиардов долларов на новые «национальные проекты» в образовании, здравоохранении, жилищном строительстве и сельском хозяйстве перед выборами 2007–2008 годов.¹⁶ Такие меры в сочетании с фактической ренационализацией значительной части энергетического сектора после дела Юкоса только препятствуют росту независимого мелкого бизнеса в ближайшие годы, оставляя российское производство и занятость опасно связанными с государством.

Постепенное возвращение государства в российскую экономику, наряду с почти полным упразднением Путиным региональной и национальной политической оппозиции, способно только осложнить политический переход 2007–2008 годов, связанный с выборами новой Думы и президента. И экономические ставки в этом процессе необычайно высоки, поскольку всякий, кто придет к власти в российском государстве, будет иметь прямой доступ более чем к 100 миллиардам долларов ежегодного дохода от экспорта нефти и трети мировых запасов природного газа, не сталкиваясь при этом с какими-либо сдержками и противовесами, способными ограничить его действия.¹⁷ Принимая во внимание фарсовый характер парламент-

16. См.: Владимир Путин. «Вступительное слово на заседании Совета по реализации приоритетных национальных проектов», 29 ноября 2005 г., http://www.kremlin.ru/appears/2005/11/29/1505_type63_374type63_378type82_634_98_210.shtml.

17. См.: “OPEC Revenues Fact Sheet,” <http://www.eia.doe.gov/emeu/cabs/opecrev.html>.

ских и президентских выборов 2003–2004 годов, изоляцию двух российских либеральных партий и рост контроля Кремля над телевидением, которое для большинства населения России служит основным источником политической информации, вряд ли можно рассчитывать на то, что следующий избирательный цикл будет отвечать западным демократическим стандартам. В то же время неясно, удастся ли еще раз сделать так, чтобы российские избиратели проголосовали за ту или иную конкурирующую «партию власти» или «назначенного» преемника на посту президента.

Учитывая опасность для Путина и его союзников утраты политической власти после выборов в результате новых «цветных революций» или, что куда более вероятно, вследствие длительного паралича, вызванного оспариванием результатов выборов соперничающими политическими группировками, не удивительно, что в обществе все чаще раздаются призывы к Путину остаться на своем посту после истечения установленного конституцией срока президентства. Путин усиленно отрицает любые намерения формально изменить Конституцию 1993 года в этом отношении, по-видимому, сознавая, что, если он действительно попытается продлить срок своих полномочий, российское государство утратит последние остатки процедурной легитимности, независимо от того, какие юридические уловки могут быть использованы для оправдания такого изменения. В этом случае Россия будет признана мировым сообществом диктатурой, что будет иметь непредсказуемые последствия для ее взаимодействия с международными организациями, вроде НАТО, ЕС и «большой восьмерки». Независимо от того, останется Путин или уйдет, выборы 2008 года станут большой проблемой для стабильности российского государства.

К тому же в современном российском обществе имеется еще одна тревожная тенденция: рост народного недовольства воспринимаемой антироссийской политикой Запада. Перечень обид, приводимый политически активными русскими, очень велик: не только националистические элиты, но и многие мейнстримные российские политики утверждают, что Горбачев и Ельцин в сговоре с иностранными спецслужбами работали над разрушением СССР, что реформы «шоковой терапии» имели своей целью ослабление России, что бомбардировки Сербии в 1999 году были подготовкой к будущим бомбардировкам российской территории и что расширение НАТО нацелено на окружение России и, в конечном итоге, на разрушение ее. Любые попытки европейских и американских лидеров критиковать российскую политику или даже давать советы российские СМИ и иногда даже сам Путин тотчас объявляют лицемерными. Соединенные Штаты, в частности, описываются как страна, которая при всех своих разговорах о демократии занимается подтасовками на выборах, увольняет или сажает в тюрьмы критикующих ее журналистов, попирает основные права человека для задержанных и пытает военнопленных. Российские комментаторы критикуют Европейский Союз за поддержку врагов России, предоставление убежища беглым олигархам, вроде Бориса Березовского, и содействие международному терроризму, когда он «защищает» чеченских боевиков, вроде Ахмеда

Закаева. Независимо от того, насколько справедливы такие обвинения, их постоянное повторение в российском политическом дискурсе оказало глубокое влияние на российские общественные отношения, лишив морального доверия даже самых принципиальных западных защитников российской демократии. Принимая во внимание растущее отчуждение от Европы и Соединенных Штатов, а также понятные опасения насчет исламистских выступлений на юге и глубокую подозрительность большинства русских к Японии и Китаю, у России нет настоящих международных союзников, на которых можно положиться в вопросах безопасности.

В этом контексте решение Путина противодействовать потенциальным прозападным «цветным революциям» в России, возвращая квазинационалистические молодежные объединения, наподобие «Наших», не может не вызывать серьезного беспокойства. «Нашистская» пропаганда против «глобализации» и в пользу государственного патриотизма имеет фашистский подтекст (даже если сам «антифашизм» является одним из излюбленных риторических лозунгов «Наших»). Безусловно, «Наши» — творение Кремля, которое до сих пор не имеет независимого руководства или собственных средств. И как показывает история, фашизм редко приходит к власти самостоятельно, добываясь успеха только тогда, когда слабые авторитарные лидеры позволяют или поощряют националистическую мобилизацию в противовес другим, кажущимся «более опасными», формам политической мобилизации. Если в 2008 году события примут неблагоприятный оборот и / или экономическое неравенство вызовет более широкий и последовательный общественный протест, нарастающий национализм способен будет превратить Россию из непостоянного и не слишком важного «стратегического партнера» Запада в нечто намного более враждебное с пагубными последствиями для демократических перспектив на всем пространстве бывшего СССР.

КАК СЛЕДУЕТ ДЕЙСТВОВАТЬ ЗАПАДУ: НЕОБХОДИМОСТЬ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ЛИБЕРАЛИЗМА

18

Признание возможности появления серьезных проблем в российской политике в будущем не означает, что они неизбежны. На самом деле осмотренность и внимание, которые Соединенные Штаты и Европейский Союз проявляют в своих отношениях с Россией и остальными частями бывшего Советского Союза, очень важны для предотвращения таких отрицательных результатов. В идеале Европе и Соединенным Штатам следует совместно прививать странам Восточной Европы и Евразии общее видение: видение единого, мирного и демократического «Севера». Политика, проводимая Европейским Союзом по отношению к соседям, уже движется в этом страте-

18. Подробнее об этом см.: Stephen E. Hanson, "On 'Double Standards': Toward Strategic Liberalism in U. S. Russia Policy," Program on New Approaches to Russian Security Policy Memo no. 368 (Washington, D. C., Center for Strategic and International Studies, 2005).

гическом направлении. Тем не менее западные лидеры до сих пор не выработали общей стратегии безопасности для Севера. Такое видение «стратегического либерализма» вполне отвечало бы политическим устремлениям большинства политических лидеров на территории бывшего Советского Союза, подтверждая, что они являются частью «цивилизованного» мира. Вера со стороны Запада в осуществимость такого видения также может способствовать разрыву порочного круга политической неопределенности, которая возникла после советского краха, давая честолюбивым элитам надежду на то, что их самые высокие устремления могут быть осуществлены в рамках современного глобального либерального капитализма. Обращение к идеалу демократического «Севера» также способно обеспечить концептуальные рамки для развития более широкой многосторонней безопасности и экономического сотрудничества между постсоветскими государствами и восточноазиатскими державами (Японией, Китаем и Южной Кореей) в вопросах энергетической безопасности, торговли, инвестиций и нераспространения ядерного оружия. В России такое видение может даже вернуть смысл понятию «демократия», связав его международным партнерством и статусом великой державы.¹⁹

Чтобы эта стратегия увенчалась успехом, европейцам и американцам необходимо попытаться изложить свои цели в отношениях с Россией в четких и определенных, а не универсалистских терминах. Простое провозглашение благой цели повсеместного распространения свободы и демократии не убедит скептически настроенную российскую публику в том, что их страна может играть сколько-нибудь серьезную роль в демократическом мировом порядке. России пришлось столкнуться с тем неприятным фактом, что после краха СССР демократизация сулила получение экономической выгоды от Запада только потенциальным новым членам НАТО и ЕС. Поскольку почти все согласны с тем, что Россия вряд ли может претендовать на членство в какой-либо из этих международных организаций, советы Запада касательно демократизации России кажутся просто бессмысленными. Поэтому западная риторика о включении России в глобальный либеральный капиталистический порядок всегда должна по возможности подкрепляться делами. Простые шаги, вроде отмены поправки Джексона-Веника, которая ограничивает свободу торговли с Россией, и завершения многосторонних переговоров относительно членства России в ВТО, могли бы оказать немалую помощь в изменении восприятия намерений Запада в России.

Решительное и открытое признание того, что содействие российской демократии отвечает конкретным целям европейской и американской внешней политики, составляет один из элементов новой политики «стратегического либерализма». Другим необходимым элементом является реализм в определении практических шагов, которые позволят российским и западным политикам осуществить этот вдохновляющий замысел, а также

19. И такие усилия предпринимаются помощником Путина Владиславом Сурковым, который называет целью российского режима теперь «суверенную демократию».

определить опасные тенденции, которые угрожают ему. Едва ли объявление Путина «стратегическим партнером», с которым Запад может сотрудничать, в то время как он подавляет оппозицию и неправительственные организации, использует российскую судебную систему для преследования политических противников и отменяет выборы губернаторов, способствует делу укрепления демократии в России. Эрозия демократических норм в России требует жесткой и последовательной критики. Но в то же время провозглашение конкретной и долгосрочной цели интеграции России с другими демократическими северными государствами в единую экономическую зону и зону безопасности позволило бы облегчить понимание европейской и американской критики нынешней российской политики, поскольку шаги Путина к большему авторитаризму могли бы быть поняты как практические шаги, препятствующие достижению взаимовыгодной долгосрочной цели, а не как свидетельство отказа России выполнять моральные обязательства, определяемые Западом. Между тем, справедливая российская критика промахов, совершаемых Западом на пути к построению демократического полушария, также должна приниматься во внимание.

Для осуществления стратегической цели включения России в демократический северный альянс безопасности потребуются десятилетия, а в краткой и среднесрочной перспективе для движения к ней не обойтись без сложного маневрирования. Новые члены ЕС и НАТО, скорее всего, будут против приглашения России на привилегированные западные форумы прежде, чем она подтвердит свою приверженность принципам господства права и отречется от империалистического национализма. И нет никакого смысла в таком резком расширении формальных международных институтов, которое делает их пустой оболочкой без содержания; нельзя отказываться от основных критериев включения ради краткосрочной дипломатической целесообразности. Переход Европейского Союза и Соединенных Штатов к стратегическому либерализму, конечно, не приведет к немедленному разрешению глубоких идеологических и структурных проблем, стоящих в настоящее время перед российским государством. Но, подчеркивая практическую важность построения сильной демократической России для конкретной долгосрочной глобальной безопасности, стратегический либерализм может служить основой для возвращения атмосферы доверия в дипломатический диалог между Россией и Западом. В долгосрочной перспективе, как показывает успех антикоммунистических революций 1989 года в Центральной и Восточной Европе, последовательный и цельный идеологический замысел может сыграть решающую роль в формировании глобального порядка. И без четко озвученной долгосрочной цели включения России и остальной части бывшего СССР в единый демократический альянс непрекращающийся государственный кризис и набирающий силу русский национализм в конечном итоге могут привести к укоренению более пагубных идеологических видений.

Перевод с английского Артема Смирнова